

ЕДИНОВЕРИЕ В ПРИУРАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ

Тасмагамбетов А.С.

г. Уральск, Казахстан

К концу XVIII - началу XIX веков старообрядчество в Уральском казачестве было столь распространено и имело такие прочные позиции, что оно считалось серьезным «оплотом раскола» не только в данном регионе, но и одним из таковых во всей Российской империи того времени. Попытки борьбы с расколом в Приуралье в середине XVIII века не только не привели к его ограничению, но, в какой-то мере, спровоцировали религиозно-идеологическую подпитку крупных социальных антиправительственных движений в крае, как, например, восстание Е. Пугачева.

С началом и постепенным усилением колониального продвижения России в юго-восточном направлении, менялась и геополитическая ситуация в Приуралье, в связи с чем все более ограничивалась и вольница уральских казаков. Это было характерно особенно для периода после разгрома восстания Е.Пугачева. Причем, данные ограничения касались не только политико-экономической стороны жизни казачества. Несмотря на неудачную попытку официальной русской церкви в середине XVIII века подчинить себе религиозную жизнь уральских казаков, она не собиралась отказываться от этого в будущем, что подтверждает дальнейшая история старообрядчества в данном регионе.

Правда, теперь официальная церковь и колониальная администрация, учитывая опыт прошлого в борьбе против раскола уральских казаков, решили выбрать тактику постепенности и компромисса. Данная тактика в отношении здешнего казачества нашла применение в форме интересного феномена из истории русского православия – единоверия. Это была своеобразная форма компромиссного сосуществования официальной церкви и старообрядчества.

Единоверие являлось следствием поиска властями средств к ограничению распространения старообрядчества и постепенного его ослабления. Его можно рассматривать, как стремление преодолеть раскол по линии организационной.

«Единоверие есть условное единение старообрядцев с православною церковью... Старообрядцы принимают от нее законное священство, церковь же дозволяет содержать «старые» обряды и книги» - так приводится определение единоверия в «Православной богословской энциклопедий» 1904 года [1, С.58]. Соответственно, богослужение и религиозные обряды они совершали по формам, принятым в православной церкви до реформ патриарха Никона, которым следовали и старообрядцы. Как церковное

направление единоверие официально берет свое начало с 1800 года, хотя для церквей Уральского казачьего войска оно было разрешено и введено с 1795 года [2, С.16].

Предыстория возникновения единоверия начиналась с 1779-1780 годов, когда начинались переговоры между представителями официальной церкви и старообрядцами, в связи с прошениями последних по поводу разрешения им на постройку своих храмов и предоставления священников государственной церкви и ведения при этом богослужения по старопечатным книгам.

К концу XVIII века процесс по достижению компромисса между официальной русской церковью и старообрядцами «поповского» направления стал достигать степени принятия решений на государственном уровне. Так, 12 марта 1798 года Павел I подписал указ «О дозволении жительствовавшим в Нижегородской епархии старообрядцам иметь у себя церковь и особенных священников [3, С.357]. На следующий год очередное представление в виде 16 пунктов – 16 условий, при соблюдении которых выражалось согласие войти в определенное единение с государственной церковью, - поступает от московских старообрядцев. И именно «пункты» московских старообрядцев, откорректированные и сформулированные Московским митрополитом Платоном превратились в «пункты о единоверии». В таком виде они были представлены императору Павлу I, который поставил на них следующую визу: «Быть по сему. Октября 27 дня 1800 года» [1, С.59-60].

Итак, единоверие представляло собой своеобразный союз между официальной русской церковью и старообрядчеством, причем его лояльной к «никонианцам» частью, «поповским» направлением. В нем официальная сторона видела средство возврата старообрядцев в ведение господствующей церкви. Термин «единоверие» было введено в обиход митрополитом Платоном вместо предложенного первоначально термина «согласники». Иногда, для отличия от других согласий старообрядчества, употреблялось также название «новоблагословенное согласие». Взаимоотношения между единоверцами и официальной церковью регулировались «Правилами единоверия» («16 пунктами» митрополита Платона), некоторые изменения в которые были внесены только в 1881 году. Им разрешалось служить по старым обрядам, иметь своих священников, «рукоположенных» епископами православной церкви с соблюдением старых обрядов. С них были сняты «клятвы», наложенные патриархом Никоном, как на не принявших его церковных нововведений в XVIII веке. Своего епископата у единоверцев не вводилось, их приходы и монастыри были в ведении епископов тех епархий, где они располагались [4, С.7].

Единоверие с самого начала не очень приветствовалось как со стороны основной массы старообрядцев, так и со стороны большинства духовенства государственной церкви. Если первые смотрели на единоверцев, как на «отрезанный ломоть» и «предателей древлеправославной идеи», то вторые – как на «полураскольников» и тайных старообрядцев. Особенно отрицательно к ним относились «противораскольнические» миссионеры, для которых они были «искусственным» препятствием в их деятельности по вовлечению раскольников в «лоно истинной веры». При этом единоверческих приходов по стране было немного. Их число стало возрастать при Николае I, отличавшимся особым неприятием

старообрядчества. Около 200 тысяч сторонников старой веры, при вновь разворачивающихся их притеснениях, были вынуждены тогда перейти в единоверие, чтобы как-то и в каком-то виде сохранить древние православные обряды. К этому их, в какой-то мере специально, подталкивали официальная светская и духовная власти, отбирая у старообрядцев храмы и монастыри, древние книги и иконы и передавая все это в распоряжение единоверцам [4, С.8].

В этих условиях стало приобретать широкий размах фиктивное присоединение к единоверию. Часть старообрядцев стали использовать данный феномен русского православия в своих целях, чаще всего – для легализации своего социального состояния. «Удобный» единоверческий священник позволял им, не отказываясь от своих обычаев, самостоятельно крестить детей, узаконивая этот акт занесением в метрики единоверческой церкви. Показателем этого процесса являлось «выявление» тайного раскола при переходе лиц, до этого считавшихся православными, в единоверие [5, С. 20]. В целом, зыбкость данной компромиссной формы русского православия явно выявилась после первой русской революции, с выходом царского указа «Об укреплении начал веротерпимости». Старообрядцы получили возможность легально отправлять свой культ, строить храмы, регистрировать общины и т.д. Единоверие же стало быстро приходить в упадок, необходимость в нем, как в средстве вовлечения старообрядцев в официальное православие, как в своеобразной переходной форме, отпала.

При всех своих общих характерных чертах, единоверие в разных регионах могло проявлять себя по-разному и иметь там некоторые местные особенности. Так, в Уральском казачьем войске, хотя бы внешне, оно нашло большее применение, чем в других казачьих войсках. Отчасти, это могло быть вызвано длительным опытом его внедрения здесь (с 1795 года), а также и тем, что в среде уральского казачества, как уже отмечалось, распространение получило старообрядчество «поповского» направления, которое не отказывалось полностью от религиозно-обрядовых услуг духовенства официальной церкви. В связи с этим, со временем единоверие в данном регионе стало приобретать даже некоторые черты традиционности, и уральские казаки считали свою веру не осколком, а разновидностью «законного» православия.

О неоднозначной позиции единоверия в Приуралье говорят и нижеследующие данные. По данным Н.Чернавского до 1831 года все бывшие тогда 6 церквей Уральской области считались единоверческими. Судя по его данным, первая во всем Приуралье православная (Казанская) церковь была построена в городе Уральске, при местных казармах, только в 1831 году, при значительном усилии тогдашнего Оренбургского епископа Аркадия. Более величественный православный собор (Александро – Невский) был воздвигнут здесь, по Н.Чернавскому, в 1850 году. И, по его же данным, еще в конце XIX века в Уральской области на 60 единоверческих церквей числилось всего 6 православных, а по количеству жителей на 25 тысяч православных приходилось 60 тысяч единоверцев [2, С.17].

Об этом же пишет в своих записках о быте уральских казаков генерал К.Мерхелевич: «...Большая часть Уральского казачьего населения раскольники, а потому Православных церквей в земле весьма мало

и духовенство (духовенство РПЦ – Т.А.С.) в материальном отношении далеко не обеспечено, положение его во многих случаях можно назвать очень затруднительным...» [6, Л.5об.]. В.Н. Витевский по этому поводу замечает вообще относительно церквей, что «неоднократно горевшие уральские городские церкви поправлялись весьма медленно» [7, С.9]. Бывший в Яицком городке в июле 1769 года Паллас также отмечает, что церкви, строительство которых было начато после страшного пожара 1751 года, «испепелившего» почти весь Яицкий городок, были даже недостроены [7, С.9].

Но при этом надо учитывать, что достаточно подробного и специального, учитывающего все особенности старообрядчества, учета по староверам, особенно к концу XVIII-началу XIX веков, здесь не велось. Сами же раскольники зачастую скрывали свою религиозную принадлежность, числясь в официальных отчетах единоверцами. Вместе с тем, нередко единоверцев учитывали вместе с легальными православными, в то время, как официального православия придерживалась совсем незначительная часть уральского казачества. К примеру, если взять данные местных переписей за 1846 и 1847 годы, то по ним получается, что всего лишь за один год процент казаков-единоверцев здесь значительно возрос, а доля старообрядцев намного сократилась [8, Л.5]. Но за год, естественно, больших перемен по таким показателям произойти не могло, то есть здесь речь идет о фиктивной стороне этого дела, о которой уже было сказано выше.

Вообще же, многие староверы не записывались в метрические книги, что было хорошо известно местным властям, о чем, к примеру, Оренбургский военный губернатор в 1850 году доводил до сведения уральского атамана К.К.Геке [9, Л.1]. Что касается метрических книг, которые для старообрядцев стали вводиться с XIX века, то они были предназначены для поповцев, в связи с чем, в 1834 и 1836 годах официально разъяснялось, что их введение не имеет отношения к беспоповцам. Но в 1837 году эти книги были запрещены и для поповцев, «поелику выдача на сем основании свидетельств может давать расколу вид законности и через то служить укреплению раскола» [10, С.180]. Регистрация рождений и смертей среди старообрядцев была предоставлена исключительно полиции.

Из гражданских последствий непризнания раскола самыми тяжелыми были те, которые касались семьи. Так как брак между раскольниками по правилам официальной церкви не признавался, то и на детей и к правам наследства от этих браков гражданские законы не распространялись. Поэтому «раскольничий» брак рассматривался как незаконное сожительство, а дети как незаконнорожденные, в правовом плане ничем не связанные с отцом [10, С.105].

Большую посредническую роль в переходе значительного числа уральских казаков-старообрядцев в середине XIX века в единоверие сыграл тогдашний наказной атаман Уральского казачьего войска, отец будущего крупного российского политика и реформатора, А.Д.Столыпин. Насколько он, как сторонник дальнейшего укрепления монархизма, стремился к ослаблению и искоренению староверия в Приуралье, видно из его высказываний. Так, весьма показательным в этом отношении следующее его высказывание: «Раскол не так вреден для России православной, как для России монархической, потому что раскол основан на

демагогических началах... Повиновение начальству не считается обязанностью для раскольника, а необходимостью повиноваться сильнейшему. Такой раскол в казачестве, в народонаселении военном и пограничном, есть страшная аномалия, не требующая объяснений» [11, С.111].

Приходу уральских казаков к данному решению предшествовала продуманная подготовительная работа, организованная А.Д.Столыпиным и направляемая краевыми военно-гражданским и духовным властями. Об этом, в частности, свидетельствует его секретное донесение на имя Оренбургского епископа от 4 декабря 1858 г.: «Считаю долгом описать Вам некоторые подробности о казацких совещаниях. Когда мною было сообщено казакам о льготах, которые Ваше Пресвященство изволили счесть возможным разрешить, они просили у меня несколько времени чтобы обдумать этот предмет и вместе с тем послали гонцов во все концы войска, чтобы собрать знатоков в этом деле. Узнав об этом, я нарядил от себя агента, который должен был следить за всеми толками казаков» [12, Л.4].

В целом, в данной кампании «по уводу казаков из раскола» власти, при активном посредничестве А.Столыпина, достигают основных своих целей. Архивные материалы говорят о том, что это было наиболее крупное принятие уральскими казаками-старообрядцами в XIX веке компромиссной формы вероисповедания, к чему они искусно подводились властями и которая выражалась в виде единоверия.

После этих событий и духовные, и светские официальные власти всячески подчеркивали, что это было одним из крупных их успехов в борьбе со старообрядчеством в Приуралье. Так, в одном из воззваний епископа Оренбургского и Уральского в начале 60-х годов XIX века по этому поводу отмечалось: «Святое дело присоединения раскольников к Святой Церкви Христианской идет с желанным успехом: обращающиеся приняли к себе священников законно-рукоположенных, которые и заняты теперь исправлением Богослужения и исполнением треб Христианских, а особенно крещением младенцев, коих накопилось так много, что Уральский священник едва успевает крестить их...» [13, Л.29].

Наряду с описанным одним из наиболее крупных кампаний властей по «отводу от раскола» уральских казаков, в этот период в регионе проводились и ряд других «противораскольничьих» мер. Так, в соответствии с планами А.Столыпина и при поддержке Оренбургского епископа Антония в 1858-1859 гг. были ликвидированы раскольничьи скиты Сергиевский и Бударинский (сохранен был только женский Садовский скит), активизировалась пропаганда единоверия [11, С.112].

Получалось, что отец будущего всероссийского реформатора П.А.Столыпина А.Д.Столыпин был также своеобразным реформатором в области религиозной политики, но только на региональном уровне, то есть в Приуралье. Исследователь истории старообрядчества в Оренбуржье Т.К.Махрова, отмечает, что А.Столыпин был сторонником быстрых, энергичных, но тщательно взвешенных действий. Он предлагал, в частности, «разом даровать» раскольникам те права, которые могут быть им предоставлены без ущерба для церкви, после чего всех недовольных таким решением старообрядцев автоматически перевести в разряд иноверцев, а вредные секты «истребить по всей строгости закона». При этом, по мнению А.Столыпина, церковь должна была изменить те свои правила, которые, якобы, введены «не духом

христианским, а людскими страстями», иначе упрямством и нетерпимостью она может вооружить против себя и правительства до 15 миллионов недовольных. В дополнение к этому отмечается, что недовольство это усугублялось и действиями местных властей, желающих проявить свое усердие при проведении «антираскольничьих» акций, что были известны случаи, когда полицейские чиновники наполняли остроги старообрядцами, днем опечатывали часовни, а ночью за деньги пускали туда богомольцев [11, С.112].

В условиях широкого распространения старообрядчества в регионе, один из путей его ограничения и ослабления власти видели в создании и расширении здесь сети официальных духовных учебных заведений. Так, вскоре после перехода части уральских казаков на сторону единоверия, в Уральске открывается единоверческое духовное училище. Оно было открыто, опять же не без участия наказного атамана уральских казаков А.Столыпина, усилиями Оренбургского генерал-губернатора А.А.Катенина. В последующем содействием другого генерал-губернатора А.П.Безака способствовало вхождению Уральского духовного училища в разряд штатных духовных училищ (30 сентября 1863 года) [335, Л.6]. Что касается непосредственного официального его открытия, то оно было открыто 17 ноября 1863 года, преобразованное в таковое из церковно-приходской школы (1859) [13, Л.96].

Несмотря на все охарактеризованные выше меры со стороны властей в отношении старообрядчества на территории Приуралья оно продолжало существовать в разных вариантах и формах и в начале XX века. Так, в 1878 году в войске проживало около 45 тыс. раскольников и около 35 тыс. единоверцев [14, Л.51]. То есть, доля раскольников была больше половины казачьего населения. За последующие годы это соотношение не претерпело существенных изменений. В 1902 году в войске насчитывалось более 67 тыс. раскольников (51% казаков). По другим данным, в тот же период религиозная картина в среде уральского казачества выглядела так: раскольников – 50 %, единоверцев – 41 %, “магометан” – 5 %, православных – 2,4 %, “ламаистов” – 0,8 % . Остальные – представители различных сект» [15, С.129].

Наиболее высокий процент старообрядцев был в северных станицах Уральского войска, а по мере продвижения на юг доля старообрядцев сокращалась. К примеру, в 1878 году в Уральском отделе соотношение между раскольниками и единоверцами было 2,6:1, в Калмыковском же – 1:2, а в Гурьевском уже – 1:10 [14, Л.51]. Та же ситуация сохранялась и позже. Так, в 1900 году местные чиновники отмечали, что в северной части войска «есть поселки, почти сплошь населенные раскольниками, например, в Большом Алексеевском поселке всего один православный казак. В поселке Голом один только православный – поселковый атаман» [16, С.124-125].

В начале XX века в среде уральских казаков, не перешедших в единоверие, немалое место занимала уже беспоповщина [17]. При этом большинство из них составляли представители толков и согласий, “признававших брак”, то есть считавших его одним из таинств. Таковых и в 1878 и в 1903 годах насчитывалось более 80 % от общего числа раскольников [14, Л.52]. До конца XIX века в Приуралье сектантство, как таковое, не было распространено и только в 1899 году из Оренбургского войска, по данным исследователя А.М.Дубовикова, в Мухрановский поселок была занесена хлыстовщина, которую приняли около десяти семей [15, С.129].

Деятельность раскольников данного региона получила новый импульс после существенных изменений в области государственно-конфессиональных отношений, произошедших после первой русской революции. Как известно, наиболее важным из них было объявленное в царском манифесте от 17 апреля 1905 года равенство всех религий в империи, хотя последующие события показали, что это во многом было формальным, а не реальным равенством.

Изменившиеся общественно-политические условия порождали у старообрядцев конкретные ожидания. Так, они утверждали представителям официальной церкви, что “придет скоро время, когда все древние монастыри и церкви будут от вас отобраны и переданы нам” [14, С.352].

Местные власти предпринимали различные меры для “обуздания” раскольников, но они, судя по источникам, существенно на ситуацию не влияли. В частности, сам наказной атаман Уральского казачьего войска пытался ограничить активность старообрядцев, зачитывая их представителям пункты 9 и 10 царского указа от 17 апреля 1905 года, где говорилось, что правительство не признает иерархических лиц у раскольников” [14, С.354].

Вместе с тем, с течением времени среди рядовых раскольников нередко усиливались конформистские настроения, роль раскола как формы социального протеста падала, а понимание тонкостей религиозной догматики востребовано, как правило, не всегда и только небольшой прослойкой последователей той или иной веры. Нередко преобладающей начинала становиться именно внешняя сторона сложившейся культуры, быта. Так, раскольники того времени старались не селиться в соседстве с «никонианами», не продавали и не сдавали им землю в аренду, омывали святой водой икону, перед которой перекрестился православный. Не употребляли посуду, из которой пил православный, после трапезы за общим столом с «олатинившимися» полоскали рот водой с восьмиконечного креста. Обязательно освящали крест, если его целовал единоверец («униат») или православный («бритоусый»). В Уральске старообрядцы отказывались пускать жильцов с «бесовскими» музыкальными инструментами (рояль, фортепиано) или курящих табак.

Отказывались от использования в быту фабричных изделий, от аптечных лекарств. Грехом считали употребление сахара во время великого поста, так как он очищался через жженую кость [11, С.120].

Подводя итоги сказанному выше можно отметить, что в XIX веке на территории Уральского казачьего войска еще достаточно прочно сохранялись позиции старообрядчества, а значительная часть казаков строго сохраняла старообрядческие традиции. Данный регион по-прежнему считался одним из оплотов раскола не только в крае, но и во всей Российской империи. И хотя к этому времени здесь в основном установилась «промежуточная» между старообрядчеством и официальным православием единоверческая церковь, но на бытовом и культурно-традиционном уровне еще было сильно влияние староверия.

Литература:

- 1 Шамаро А. История призрачного примирения // Наука и религия.- 1994.- № 8.- С.58-60
- 2 Чернавский Н.М. Общий взгляд на историю Оренбургской епархии. - Оренбург: Типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1899.- 20 с.
- 3 ПСЗРИ. Т. XXVI - СПб., 1830
- 4 Михайлов С. Русское единоверие // Истина и жизнь.- 1997.- № 2.- С.6-9
- 5 Савицкая О.Н. История старообрядческого религиозного движения в Южном Зауралье в середине XVIII-начале XX в.: диссерт. ... канд. истор. наук: 07.00.02. – Курган, 2000.- 224 с.
- 6 Оренбургские епархиальные ведомости. – 1900.- № 20
- 7 Витевский В.Н. Раскол в уральском войске. – Казань: Типография Императорского университета, 1878. – 235 с.
- 8 ГАОО, Ф.6, Оп.10, Д.1550-Б
- 9 ГАОО, Ф.6, Оп.11, Д.2046
- 10 Собрание постановлений по части раскола.Т.1.- Лондон, 1863.- 264 с.
- 11 Махрова Т.К. Раскол и единоверие в казачьих станицах Оренбургской епархии // Оренбургское казачье войско: Религиозно-нравственная культура: сборник научных трудов. – Челябинск, 2001.- С.104-121
- 12 ГАОО, Ф.174, Оп.1, Д.2
- 13 ГАОО, Ф.175, Оп.2, Д.39
- 14 ГАОО, Ф.6, Оп.10, Д.8544
- 15 Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральского казачества. – СПб.: Тип. главн. штаба, 1823. – 84 с.
- 16 Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1900 г.- Уральск, 1900
- 17 Обзор Уральской области за 1902 г. Ведомость № 9.- Уральск, 1903.